

Д. А. Лукашевич

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Предмет науки истории государства и права

Резюме. В статье подробно анализируется проблема предмета науки истории государства и права. Затрагиваются вопросы соотношения понятий «предмет науки» и «объект науки»; рассматриваются точки зрения на проблему предмета историко-правовой науки, сущность истории государства и права (юридическая, историческая или комбинированная), темпоральные, пространственные и догматические границы предмета историко-правовой науки, соотношение истории государства и права и отраслевых юридических наук, а также соотношение с теорией государства и права и историей политических и правовых учений; анализируется структура науки истории государства и права и структура предмета науки истории государства и права; затрагивается соотношение понятий «история права» и «догма права»; анализируется вопрос эмпирического материала рассматриваемой науки, исторические (отечественные и зарубежные) истоки отраслевизации права, становление юридической теории, место права в системе иных социальных регуляторов в различные исторические эпохи, несостоятельность сугубо позитивистского подхода к пониманию права для объективного изучения истории государства и права; освещается проблема научной принадлежности истории международного права; дается авторское видение обозначенных проблем и их решений. В работе выделяются и анализируются «реальный» и «идеальный» уровень историко-правового исследования, их содержание и значение.

Ключевые слова: предмет юридической науки; объект юридической науки; история государства и права; история политических и правовых учений; юридическая методология

Для цитирования: Лукашевич Д. А. Предмет науки истории государства и права. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 7. С. 109–130. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.109-130

The Subject Matter of the History of State and Law Science

Dmitry A. Lukashevich

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper provides a detailed analysis of the problem of defining the subject matter of the science of the history of state and law. It examines the relationship between the concepts of «subject of science» and «object of science», discusses various perspectives on the subject matter of historical legal science, and explores the nature of the history of state and law (whether it is primarily legal, historical, or a combination of both). The study addresses the temporal, spatial, and dogmatic boundaries of the subject matter of historical legal science, as well as its relationship with branch legal sciences, the theory of state and law, and the history of political and legal doctrines. The paper analyzes the structure of the science of the history of state and law and the structure of its subject matter, touching upon the relationship between the concepts of «history of law» and «dogmatics of law». It examines the empirical material of this discipline, including the historical (domestic and foreign) origins of the specialization of law, the development of legal theory, and the role of law among other social regulators in different historical epochs. The study also critiques the inadequacy of a purely positivist approach to understanding

law for an objective study of the history of state and law and discusses the scholarly classification of the history of international law. The author presents their own perspective on these issues and their possible solutions. The work identifies and analyzes the «real» and «ideal» levels of historical legal research, their content, and significance.

Keywords: subject of legal science; object of legal science; history of state and law; history of political and legal doctrines; legal methodology

Cite as: Lukashevich DA. The Subject Matter of the History of State and Law Science. *Lex Russica*. 2025;78(7):109-130. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.109-130

Введение

Понятие «наука», как и многие другие понятия, является многозначным. Наиболее распространено представление о науке как о «сфере человеческой деятельности, функцией которой является выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности»¹. То есть если другие сферы человеческой деятельности пользуются знаниями, полученными наукой, то сама наука нацелена на получение этого нового знания.

Любая наука имеет свои границы, то есть предмет. Изучение предмета отраслевых юридических наук всегда представляло интерес для ученых, поскольку являлось своего рода отправной точкой в проведении соответствующих научных исследований².

«Объект» и «предмет» науки

С понятием «предмет науки» тесно связано понятие «объект науки». Существуют различные подходы к разграничению данных категорий. Объект науки обычно определяется как объек-

тивная реальность, окружающая действительность. С «предметом науки» всё неоднозначно.

Согласно так называемому натуралистическому подходу предмет науки — это часть окружающей реальности, которая исследуется ученым. В этом смысле предметом юридической науки является определенная правовая действительность³.

Другой подход предполагает противопоставление объекта и предмета науки: объект — это окружающая действительность, предмет — результат теоретических исследований ученого. Известный методолог Г. П. Щедровицкий приводил пример, иллюстрирующий разграничение предмета и объекта науки при данном подходе: находящееся на лугу стадо овец как объективная реальность — это объект исследования; действия наблюдателя в отношении овец — сложение, вычитание, извлечение корня, сравнение и др., то есть мысленные теоретические операции, которые производятся не с самими овцами, а с их образом в сознании исследователя, — это предмет науки⁴.

С одной стороны, корректным будет второй подход, поскольку один и тот же объект может быть рассмотрен с разных предметных пози-

¹ Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология. М., 2007. С. 48. См. также, например: Основы науковедения. М., 1985. С. 3 ; Рачков П. А. Науковедение : Проблемы, структура, элементы. М. : Изд-во Московского университета, 1974. С. 24.

² См., например: Агарков М. М. Предмет и система советского гражданского права / Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2012. Т. 1. С. 82–119 ; Алексеев С. С. Предмет советского социалистического гражданского права // Алексеев С. С. Частное право : избранное. М., 2024. С. 228–527 ; Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963 ; Гришовец А. А. Современное понимание предмета науки административного права // Государство и право. 2024. № 1. С. 56–67 ; Красавчиков О. А. Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система) // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды. М., 2005. Т. 1. С. 252–307 ; Шестерюк А. С. К вопросу о предмете экологического права как науки // Экологическое право. 2005. № 1. С. 54–60.

³ Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 137–138. См. также, например: Филиппова С. Ю. Предмет цивилистической науки // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2016. № 4. С. 26.

⁴ См., например: Жуланов А. Л. К вопросу о соотношении понятий объекта и предмета науки в классическом и неклассическом естествознании // Вестник ПГГПУ. Серия 3, Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 3. С. 19.

ций, например, человек может быть исследован и с юридической, и с экономической, и с анатомической точки зрения⁵. Следовательно, на первый взгляд, предмет исследования не может быть частью объекта, предмет — это теоретическое поле исследования, работа с идеальными, созданными человеческим мышлением моделями, предмет — это теоретическое отражение объекта⁶.

С другой стороны, идеальные объекты, о которых часто ведут речь методологи как об основе предмета исследования, применимы неодинаково к разным наукам, например в точных науках, безусловно, исследовательские операции происходят с искусственно созданным человечеством научным инструментарием (вышеприведенный пример с овцами и соответствующими математическими действиями: умножением, извлечением корня и т.д.); но если речь идет о юридической науке, которая имеет дело с различными источниками права: нормативными актами, актами судебной практики, правовыми обычаями и т.д. — это тоже «идеальные объекты»? Они не существуют объективно? Представляется, что это не так: они объективны равно в той же степени, в какой реален и объект исследования — социальные отношения. Поэтому если социальные отношения признаются реально существующими, то почему нельзя сказать то же самое о результатах этих отношений, закрепленных в различных источниках права? Если предмет исследования (и как следствие, предмет науки) — это сугубо «идеальные объекты», то зачем тогда их изучать, если они и так созданы человечеством и известны ему? Но именно потому наука что-либо изучает, что это является непознанным, объективно существующим. По этому поводу О. А. Красавчиков указывал, что «предмет науки остается одним и тем же: он существует

объективно, независимо от познавательной деятельности и ее результатов»⁷. На то же применительно к историко-правовой науке указывает М. О. Акишин⁸.

Проблема соотношения объективного⁹ и субъективного касается не только предмета, но и науки в целом, причем не только юридической.

Представляется, что и объективный, и субъективный компонент присутствуют в гносеологическом процессе: исследователь не только работает с источником, но и интерпретирует его (герменевтический аспект). Однако последнее не всегда означает получение истинного результата — для того, чтобы объективно познать содержание Законов Хаммурапи, надо жить в эту эпоху. Кроме того, влияние субъективного фактора на появление историко-правовых источников (нормативных актов, правовых обычаев, прецедентов и т.д.) не означает их субъективность, они предстают перед будущим исследователем как данность, объективно. Познать, как было, реально реконструировать — объективно, но скрытно; интерпретировать — субъективно, но доступно. Цель исследователя — попытаться установить максимально возможное тождество между первым и вторым. То есть и процесс формирования изучаемой историко-правовой базы, и процесс ее познания, безусловно, субъективны, но сама источниковая база — объективна.

В связи с этим представляется, что предмет исследования — это не искусственно созданная наукой исследовательская материя, а *реально существующая часть объекта*, которая изучается ученым. Например, объектом исследования в сфере трудового права являются общественные отношения в сфере труда. Однако они могут быть исследованы и с позиции экономики, и с позиции социальной психологии,

⁵ На это же указывают методологи: «Отличие предмета от объекта познания состоит также в том, что один и тот же объект может изучаться многими науками... Общество как объект познания изучается историей, политэкономией, философией, демографией и т.д. Все эти науки имеют свой особый предмет познания». См.: Новиков А. М., Новиков Д. А. Указ. соч. С. 149–150.

⁶ Кузнецова О. А., Захаркина А. В. Объект и предмет исследования в цивилистических диссертациях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. Т. 1. № 1. С. 220.

⁷ Красавчиков О. А. Указ. соч. С. 282.

⁸ Акишин М. О. Объект и предмет историко-правовой науки // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918–2018 гг.). Екатеринбург, 2019. Т. 1. С. 1057.

⁹ Понятие «объективный» многозначно, из-за чего происходит путаница в методологических работах. «Объективный» можно понимать как реально существующий, вне субъекта; как беспристрастный (Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. М., 2008. С. 307). В данном случае будем иметь в виду первое значение.

и с позиции права, и с позиции других наук. Следовательно, предметом юридического исследования является правовое регулирование трудовых отношений.

Что касается теоретического аспекта, «идеальных объектов», то они, безусловно, присутствуют и в юриспруденции, но они являются ее *научным инструментарием*, применяемым в процессе исследования, а не самим предметом исследования. И именно этот инструментарий будет эволюционировать и менять исследовательский угол зрения на одни и те же проблемы. Очевидно, что, например, исследование законодательства эпохи Ивана Грозного будет неодинаковым в 1801, 2001 и 2501 гг. Предмет исследования один, научный инструментарий и результаты исследования — несовпадающие.

Теоретический инструментарий может поменять форму и стать «практическим», реальным, будучи закрепленным в источниках права¹⁰, но если он используется как таковой, то он именно теоретический и именно инструментарий, а не предмет исследования. «Идеальные объекты» — это сфера отраслевых юридических дисциплин, а также теории государства и права; история государства и права имеет дело не с идеальными, а с реальными объектами, при изучении которых выявляются общие черты, и они наполняют отраслевую и теоретико-правовую материю. Говоря еще проще: теория государства и права — это именно *теория* государства и права, а история государства и права — это *практика* государства и права.

Иногда предмет науки, в том числе юридической, определяется как «закономерности

возникновения и развития явлений и процессов объективной реальности»¹¹. Однако представляется, что с таким подходом нельзя согласиться, поскольку выявление закономерностей является *целью и результатом* юридической и иной науки, а не предметом науки. Предмет — это исследуемая область непознанного, сфера *потенциальных* результатов; закономерности — итог, сам результат¹².

Таким образом, объект науки — это исследуемая социальная реальность; предмет науки — это урегулированная правом часть этой социальной реальности, изучаемая с целью выявления закономерностей; закономерности — это результат исследований; используемые теоретические конструкции и «идеальные объекты» — исследовательский инструментарий.

Предмет науки истории государства и права: существующие подходы

Вопрос о предмете историко-правовой науки неоднократно поднимался учеными — проводились круглые столы, шли дискуссии¹³. Однако чаще всего предмет определялся с уклоном на историю государства и права России, а не на историю государства и права в целом.

Например, еще в 1950–1960-е гг. развернулась дискуссия о предмете советской историко-правовой науки.

Ученые исходили из того, что предметом истории советского государства и права является советское государство и право в его зарождении и развитии, а также конкретные формы

¹⁰ Как будет показано далее, теоретический аспект является также «идеальным» уровнем предмета науки истории государства и права, но зародился он на «реальном» уровне.

¹¹ Попондопуло В. Ф. Объект и предмет юридической науки // Известия вузов. Правоведение. 2016. № 5. С. 70.

¹² Интересно, что рассуждения В. Ф. Попондопуло о предмете юридической науки применимы только к юридическим наукам отраслевого типа, но не к истории государства и права. Даже при классификации юридических наук, которую предлагает автор, история государства и права не упоминается. См.: Попондопуло В. Ф. Указ. соч. С. 71, 73, 83.

¹³ Гальперин Г. Б., Королев А. И. История советского государства и права как наука, ее предмет и задачи // Советское государство и право. 1962. № 10. С. 36–46; Курицын В. М., Ронин С. Л. О предмете и системе курса истории советского государства и права // Там же. 1961. № 12. С. 46–56; Софроненко К. А., Мартысевич И. Д., Чистяков О. И. К вопросу о предмете истории государства и права СССР // Вестник Московского университета. Серия «Экономики, философии и права». 1958. № 3. С. 121–131; О советизации авторского актива историков государства и права при редакции журнала «Советское государство и право» // Советское государство и право. 1956. № 1. С. 131–134; Ящук Т. Ф. Эволюция предмета науки истории государства и права России в XVIII–XX вв. // Правоприменение в публичном и частном праве: материалы Международной научной конференции. Омск, 2021. С. 392–397; Она же. От истории русского права к истории государства и права СССР: трансформация науки и учебной дисциплины

их проявления¹⁴. При этом выявляются прежде всего закономерности развития¹⁵. В. М. Курицын и С. Л. Ронин специально подчеркивали, что история государства и права не может сводиться к истории отдельных институтов и учреждений, а должна показывать закономерности, важнейшие институты и принципы¹⁶.

Однако еще П. Н. Галанза справедливо отметил, что выявление закономерностей развития государства и права ставит знак равенства между историей государства и права с одной стороны и теорией государства и права — с другой стороны¹⁷.

В одном из первых советских учебников по истории советского государства и права предметом рассмотрения данной науки обозначались «задачи, функции и формы советского государства на разных ступенях его развития»¹⁸. Аналогичным был подход к пониманию истории права¹⁹.

Подобный подход используют и многие современные авторы²⁰. Например, И. А. Исаев справедливо указывает, что «все государственные и правовые явления вырастают из предшествующих и трансформируются в будущие формы. “Связь времен” позволяет рассматривать все явления в единой исторической перспективе»²¹. Ю. П. Титов считал, что «предметом науки истории государства и права России является изучение возникновения, развития и смены типов и форм государства и права, а

также государственных органов и правовых институтов конкретных государств у народов нашей страны в определенный исторический период»²².

О. А. Жидков и Н. А. Крашенинникова определяли предмет истории государства и права зарубежных стран как изучение государства и права в конкретно-исторической обстановке, хронологической последовательности при учете закономерностей как общеисторических, так и конкретно-исторических²³.

Как уже отмечалось, вряд ли является правомерным утверждение, что предметом истории государства и права является выявление закономерностей либо сами закономерности, поскольку последние являются *целью и результатом* качественно проведенного историко-правового исследования. В свою очередь, предмет науки — это та область неизведанного, которая подлежит исследованию. Если же закономерности уже выявлены и выявлены корректно, то места для исследования не будет.

Однако содержание и границы предмета истории государства и права во многом предопределяется пониманием самых спорных и неоднозначных в юриспруденции понятий: «государство» и «право». От этого зависит, включать ли в предмет рассматриваемой науки аспекты юридической техники, юридического быта, правовых идей и т.д. От этого зависит, является ли, например, история политических

в 1917–1940-е гг. // Вестник Томского государственного университета 2020. № 458. С. 264–268 ; *Она же*. Определение предмета истории государства и права в юридической науке второй половины 1950-х — начала 1960-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2020. № 11. С. 76–87.

¹⁴ Гальперин Г. Б., Королев А. И. Указ. соч. С. 40.

Аналогичное определение предмета давали Ю. П. Титов и О. И. Чистяков (Титов Ю. П., Чистяков О. И. Некоторые вопросы истории государства и права СССР // Советское государство и право. 1961. № 3. С. 31).

¹⁵ Гальперин Г. Б., Королев А. И. Указ. соч. С. 40.

¹⁶ Курицын В. М., Ронин С. Л. Указ. соч. С. 49.

¹⁷ О совещании авторского актива... С. 133.

¹⁸ История советского государства и права / под ред. проф. А. И. Денисова. М., 1949. С. 3–4.

¹⁹ История советского государства и права / под ред. проф. А. И. Денисова. С. 3–4.

Так же, хотя и в несколько идеологизированном виде, определял предмет науки истории государства и права ее основоположник С. В. Юшков. См.: Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 7.

²⁰ История отечественного государства и права / под ред. проф. О. И. Чистякова. М., 2003. Ч. 1. С. 4 ; История отечественного государства и права / под ред. Р. С. Мулукаева. М., 2009. С. 16 ; Лаптева Л. Е., Медведев В. В., Пахалов М. Ю. История отечественного государства и права. М., 2011. С. 13 ; История государства и права зарубежных стран / под ред. К. И. Батыра. М., 2005. С. 3.

²¹ Исаев И. А. История государства и права России. М., 2002. С. 6.

²² История государства и права России / под ред. Ю. П. Титова. М., 2011. С. 3.

²³ История государства и права зарубежных стран / под ред. Н. А. Крашенинниковой, О. А. Жидкова. М., 2000. Ч. 1. С. IX.

и правовых учений составной частью истории государства и права либо теории государства и права.

Представляется, что если рассматривать предмет науки в вышеизложенном контексте конкретной части объекта — реально существующих отношений, то предметом науки истории государства и права является *государство и право в целом, в конкретно-историческом развитии с целью выявления соответствующих закономерностей*. Иными словами, предмет отражается в самом названии науки — история государства и права.

В свою очередь, предмет науки истории государства и права предопределяет предмет конкретных историко-правовых исследований.

Однако и в плане подхода к пониманию «закономерностей» есть нерешенные проблемы. В частности: разве закономерности мирового развития государства и права не были выявлены ранее К. Марксом и Ф. Энгельсом? Могут ли появиться исследования, коренным образом меняющие юридическую и методологическую парадигму и целиком опровергающие марксизм, а не указывающие на отдельные, принципиально ничего не меняющие «несстыковки» в этой концепции?²⁴ Этот вопрос остается открытым. Думается, что результатом историко-правовых исследований могут быть не самые общие закономерности, пронизывающие все государства и правовые системы, на которые обращал внимание марксизм (общественно-экономические формации; государство и право — это надстройка экономического базиса), а частные закономерности — развитие отдельных государственных и юридических институтов и т.д.

Другой немаловажный вопрос — всегда ли предметом и целью конкретных историко-

правовых исследований на практике является выявление закономерностей? Чаще всего нет. Большинство диссертационных и других историко-правовых научных исследований базируются на архивных исследованиях, а не на сравнительном анализе однотипного развития в различных государствах, что могло бы показать закономерности и отклонение от них. Использование архивного материала как главный критерий новизны²⁵ и качества историко-правового исследования показывает, что реальной целью таких работ является цель *познавательная*, а не диалектическая. Другого и быть не может, поскольку выбираемые в научных исследованиях (особенно в кандидатских диссертациях) незначительные хронологические рамки (20–50 лет) априори не могут дать возможности выявить какие-либо закономерности. По этому поводу еще в советские времена П. А. Рачков указывал: «...Наиболее важные научные открытия, хотя и возникают часто из исследований, преследующих чисто познавательные цели, рано или поздно приводят к фундаментальным практическим результатам»²⁶.

Следует отличать предмет науки от предмета конкретных историко-правовых исследований; чтобы наука оставалась наукой, она должна выявлять закономерности, без логического «каркаса» наука становится бесформенной, бессмысленной и бесполезной для общества. Поэтому если предметом историко-правовых исследований может быть изучение государства и права в конкретно-исторический период с познавательной целью, то совокупность подобных исследований дает представление о мировом развитии государства и права, а значит, имеется почва для выявления закономерностей в целом.

²⁴ Не будем затрагивать так называемый цивилизационный подход, который ничего общего с наукой, на наш взгляд, не имеет, хотя бы потому, что обращает внимание не на закономерности мирового развития, а на особенности, не на общее, а на частное. Последнее, кстати, марксизмом никогда и не отвергалось, другое дело, что сами сторонники «цивилизационного подхода» очень искаженно и упрощенно понимают марксизм.

²⁵ При этом понятие новизны, нового знания является мало разработанным в науке, хотя определенные шаги в этом направлении были сделаны. Так, П. П. Чупин предлагал выделять несколько типов новизны: тип «А» — расширение сферы действия известных законов, методов, правил; тип «Б» — ограничение (сужение) сферы действия известных законов, методов, правил; тип «В» — выдвижение новой гипотезы, принципа, метода; тип «Г» — отвержение состоятельности ранее выдвинутой гипотезы, принципа, метода; тип «Д» — поиск новых объяснительных возможностей в русле существующих идей, схем и парадигм; тип «Е» — опровержение парадигм и создание условий для выдвижения новых (Чупин П. П. Новое знание как проблема методологии науки // Структура науки и механизм возникновения нового знания. Обнинск — М., 1977. С. 153–154).

²⁶ Рачков П. А. Указ. соч. С. 48.

Но возникает еще один вопрос: а есть ли границы в выявлении закономерностей? Иными словами, если закономерности выявлены, наука истории государства и права прекратит на этом существование? Конечно нет. Поэтому целью историко-правовой науки, на наш взгляд, должно быть не только выявление закономерностей, но и изучение правового опыта как такового. Он может быть использован в будущем, при возникновении аналогичных ситуаций, а также будет служить в том числе уточнению тех или иных закономерностей, их изучению при более детальном приближении. Бывают ситуации, когда, казалось бы, неактуальные исследования вдруг становились актуальными через некоторый промежуток времени. Например, исследования правовых проблем капиталистической эпохи казались в СССР пройденным этапом, но ситуация резко поменялась в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда отброшенные ранее исследования стали «классикой права». «Не всякая работа по истории является актуальной для своего времени, но историческая наука в целом не может не быть актуальной»²⁷. Такая ситуация порождает явление «отложенной актуальности»²⁸.

Однако общие указания на закономерности, государство и право в целом не решают множество методологических проблем, с которыми неминуемо сталкивается исследователь. Рассмотрим некоторые из них.

Онтологическая основа науки истории государства и права — историческая, юридическая или комбинированная?

По данному вопросу существуют различные позиции.

В науке доминирует позиция о том, что история государства и права — это синтез истории

и юриспруденции, одновременно и историческая, и юридическая наука²⁹.

Такой подход представляется несколько упрощенным. По этой же логике надо сделать вывод, что судебная медицина — это и медицина, и юриспруденция; юридическая психология — это и психология, и право; гражданское право — это и экономическая теория, и юридическая; экологическое право — это и экология, и юриспруденция; семейное право — это и семейная психология, и право. Примеры можно продолжать. Однако в этих и других подобных сравнениях надо помнить, что соответствующей юридической наукой занимаются юристы, а не экологи, экономисты, историки, психологи и т.д. Разумеется, могут быть исключения³⁰, однако они не сказываются на общей исследовательской картине.

Как точно указывал О. А. Красавчиков, «при решении вопроса об отнесении определенных социальных явлений к предмету той или другой науки существенное значение имеет не тот факт, что они уже изучаются “иной” наукой, но характер, сущность и угол зрения, под которым рассматриваются данные явления»³¹.

История и история государства и права — это сходные, но не совпадающие науки. Думается также, что история государства и права не составляет часть исторической науки — первая является самостоятельной наукой. Как история химии относится к химии, а не к истории, так история математики относится к математике, а не к истории, так же история государства и права относится к юридической науке, а не к исторической. Подобно тому, как юристы-отраслевники обращаются к истории отрасли не потому, что они историки права, а потому, что они хотят увидеть корни современного состояния отрасли, так и юристы обращаются к истории

²⁷ Могильницкий Б. Г. О природе исторического познания. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 157.

²⁸ Лукашевич Д. А. Правовое регулирование процесса формирования рыночной экономики в СССР в 1985–1991 гг. : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 5–6.

²⁹ Титов Ю. П., Чистяков О. И. Некоторые вопросы истории государства и права СССР // Советское государство и право. 1961. № 3. С. 31 ; История отечественного государства и права / под ред. Р. С. Мулукаева. М., 2009. С. 15 ; Лаптева Л. Е., Медведев В. В., Пахалов М. Ю. История отечественного государства и права. М., 2011. С. 13.

³⁰ См., например: Винокурова М. В. Сейзина в обычном праве малых городов средневековой Англии // Средние века. 2017. Т. 78. № 1–2. С. 115–153 ; Она же. Становление общего права в Англии XII — начала XIII в. и работа разъездного королевского суда в Корнуолле // Там же. 2024. Т. 85. № 2. С. 81–108 ; Дмитриева О. В. Теория парламентского представительства в Англии XVI — начала XVII века // Там же. 2016. Т. 77. № 3–4. С. 250–263 ; Касатов А. А. Институт сейзины в системе имущественных отношений англо-нормандского королевства (XII–XIII вв.) // Там же. 2012. Т. 73. № 3–4. С. 104–129.

³¹ Красавчиков О. А. Указ. соч. С. 274.

права не потому что они историки, а история права — это часть истории, а потому, что они хотят увидеть закономерности формирования, развития и прекращения государств и правовых систем.

Кажущееся пересечение или в некоторых вопросах совпадение исторической и историко-правовой науки, на наш взгляд, объясняется не тем, что юристы занимаются историей либо искусственно создается дублирующая наука, а тем, что еще в школе, преподавая историю, учитель в первую очередь делает акцент на конкретных исторических персоналиях, главах государств и, разумеется, не может ни сказать о развитии государства в целом, о государственном механизме, государственных и правовых реформах и лишь затем обращает внимание на неюридические аспекты, в том числе развитие культуры. То есть не юристы вторгаются в историю, а изначально сами историки стержнем своей науки и учебной дисциплины делают историю государства и называют это историей.

Важной отличительной чертой наук является используемый ими методологический инструментарий. Однако в сфере истории государства и права целый ряд общеисторических методов исследования неприменим (биографический метод, метод математической статистики и др.)³². Они могут использоваться «попутно», как подспорье, но не могут являться исключительными методами историко-правовых исследований, поскольку не приведут к получению историко-правового знания. В процессе историко-правового исследования проводится юридический анализ, используется юридический понятийный аппарат, которым обладают только профессиональные юристы.

Подобно тому, как, например, цивилисты, изучая догму римского права, используют цивилистический методологический инструментарий и делают цивилистические, а не историко-правовые выводы, историки государства и права изучают правовой материал и получают юридические выводы (хотя и на общеисторической почве), а не общеисторические.

Это, конечно, не значит, что историки не могут пользоваться результатами историко-правовых исследований или даже сами не могут их проводить. Как историки права могут иссле-

довать общеисторические процессы в качестве самостоятельной цели исследования, так и историки могут исследовать историко-правовые проблемы. Однако цель, как правило, иная — использование юридического компонента для понимания общего исторического процесса.

Иными словами, возвращаясь к соотношению понятий «объект» и «предмет» науки, можно сделать вывод, что объектом историко-правовой науки являются социальные отношения, то есть сфера истории, социологии, других социальных наук, а предметом историко-правовой науки — юридическая область этих социальных отношений. Поскольку предмет науки — это ее сердцевина, основа, то если предмет науки является юридическим, значит, и сама наука является юридической. Следовательно, история государства и права — это самостоятельная *юридическая* наука.

Следует также учитывать процесс постоянной, объективной и неминуемой структурной трансформации науки, которая ведет к появлению новых отраслей научного знания³³. При этом не только история государства и права многое заимствовала у истории, но и сама история многое заимствовала у других наук, включая юриспруденцию³⁴. Так же, как ранее медицина выделилась из биологии, а история из философии (как часть социальной философии, обращенной в прошлое), так и историко-правовая наука оформилась как самостоятельная область человеческого знания. То есть подход к эволюционной трансформации науки должен быть диалектическим, а не метафизическим. В ином случае придется делать вывод, что история государства и права — это часть истории, а в более широком смысле — часть философии, а сами категории государства и права — это часть философии и социологии³⁵.

Проблема эмпирического материала историко-правовой науки

В историко-правовых исследованиях распространен подход, согласно которому эмпирический материал исследования должны составлять прежде всего (а зачастую — исключительно) нормативные акты. Данный подход закладыва-

³² Смоленский Н. И. Указ. соч. С. 216–264.

³³ См., например: Кивенко В. Д. Структура науки как отражение структуры материи. Ростов н/Д, 1961. С. 4.

³⁴ Теория и методология истории / под ред. А. И. Филюшкина. М., 2024. С. 68–69.

³⁵ Алексеев С. С. Общая теория права. М., 2009. С. 11–12.

ется еще в студенческие годы, когда на семинарских занятиях учащиеся анализируют «правовые памятники», которыми почему-то почти всегда являются нормативные правовые акты.

Естественно, что такой подход не является удачным. Уже при изучении римского права вдумчивому исследователю понятно, что, например, Уложение Юстиниана, — это не уложение в классическом понимании, а переплетение нормативно-правового, научного и учебного правового материала, хотя и получившего силу закона. Тем более нет смысла что-либо доказывать, говоря об институциях Гая, являвшихся учебником права. То есть уже в Древнем Риме была правовая система, базировавшаяся на совершенно иных ценностных основаниях, чем современная. В ней не было барьера между теорией и практикой, между законом и монографией, между правом и справедливостью, между абстрактным и казуистичным юридическим мышлением. Следовательно, изучение только нормативного материала даст искаженную картину правовой действительности Древнего Рима.

Кроме того, первым правовым источником во многих государствах являлся правовой обычай, который по своей природе не имеет формализации. Если исследователь не находит правового регулирования каких-либо отношений в нормативных актах, то это не значит, что такого регулирования не было — оно могло быть на уровне правового обычая. Несмотря на сложность в обнаружении и изучении обычного права, в настоящее время появляются соответствующие исследования³⁶.

Еще более сложная картина в англосаксонской правовой семье, где основным источником права является судебный прецедент, и в мусульманской правовой семье, где первостепенное значение играет религия, а право и мораль рассматриваются как ее придатки. Иной была и советская социалистическая правовая семья, которая (по крайней мере официально) во главу угла ставила моральные принципы³⁷, которым должно было следовать право — религия же вообще отрицалась как пережиток прошлого. Для советской правовой системы не было характерно существенное влияние

процесса (как в англосаксонской, римской и частично континентальных системах) — суд рассматривался как исключительное средство защиты; были распространены внесудебные и квазисудебные институты разрешения правовых конфликтов; активно действовали негосударственные (либо же, наоборот, огосударствленные) общественные структуры, которые, однако, занимались правотворчеством: КПСС, профсоюзы, Академия наук СССР³⁸ и т.д.; в целом право играло прикладную роль в регулировании социальных отношений.

Таким образом, нужно не только понять смысл того, что считалось правом в соответствующем государстве соответствующей эпохи, но и какое место в системе социального регулирования право занимало, ведь не везде и не всегда оно занимало лидирующее место.

В связи с этим изучение только нормативного правового материала не является методологически верным. Многие исследователи, сами того не осознавая, чувствуют это — неслучайно ценность научных трудов по истории права предопределяется использованием в первую очередь архивного материала, а он, как известно, почти всегда представляет собой неюридическую эмпирическую базу.

По этому поводу О. А. Красавчиков писал, что нельзя сводить предмет той или иной юридической науки исключительно к нормам права, поскольку познать нормы права из самих себя невозможно³⁹.

Есть еще одна важная сторона использования ненормативного (а иногда и неюридического) материала в качестве источника историко-правового исследования — именно он нередко дополняет и делает более ценным проведенный анализ. Например, факт размещения Законов Хаммурапи на базальтовом столбе (что с научной точки зрения относится не просто к истории, а к истории культуры) проливает свет на многие имеющие значение для правильного понимания правовой системы Вавилона вопросы: это был факт официального обнародования закона; это свидетельствует о высоком уровне грамотности населения, способного прочесть данный закон; это свидетельствует о юридиче-

³⁶ См., например: *Винокурова М. В.* Обычаи городов средневековой Англии. М. — СПб., 2021.

³⁷ См., например: *Основы коммунистической морали.* М., 1980.

³⁸ Например, имеющие нормативную силу «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. утверждены Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР. Интересно, что в этом ряду Академия наук СССР была официально названа первой.

³⁹ *Красавчиков О. А.* Указ. соч. С. 278.

ском просвещении народа — знание закона не являлось корпоративной привилегией избранных, как было, например, в Риме во времена понтификов. Казалось бы, не имеющая ничего общего с юриспруденцией история культуры напрямую служит цели историко-правовых исследований.

Кроме того, если для познания права изучение норм права может быть допустимым, то этого совершенно недостаточно при изучении государства в соответствующий период.

В этой связи использование не только юридического (нормативного, правоприменительного и др.), но и неюридического материала (культурного, статистического и др.) в юридических целях только обогащает историко-правовое исследование, делает его более доказательным, целостным и завершенным.

Структура науки истории государства и права

Данный вопрос требует отдельного развернутого исследования, но в самом общем виде представляется, что есть основания для выделения в науке истории государства и права общей части и особенной части.

Собственный многолетний преподавательский опыт показывает, что затруднения, которые возникают у студентов при изучении дисциплин историко-правового цикла (история государства и права России, история государства и права зарубежных стран, история римского права) возникают прежде всего из-за того, что данные дисциплины преподаются как совокупность разрозненных фактов и правовых явлений. Без общей логики, стержня, мировой эволюции государства и права историко-правовые дисциплины предстают бессистемными — как нагромождение мало связанной информации. В этом смысле выделение общей части в историко-правовой науке и историко-правовой дисциплине представляется оправданным. Общая часть выделяется и в некоторых других юридических науках, например в конституционном (государственном) праве⁴⁰. Своего рода

общая часть — теория истории — выделяется и в исторической науке⁴¹.

Общая часть знакомила бы студентов не только с основными методологическими вопросами, но и с основными чертами государства и права различных эпох и могла бы, например, включать следующие вопросы: учение о феодальном государстве, роль церкви в средневековой Европе, зарождение и развитие инквизиционного уголовного процесса.

Особенная часть могла бы строиться на разделении историко-правовых дисциплин: история государства и права России, история государства и права зарубежных стран, история римского права, история политических и правовых учений.

Нетрудно заметить, что, во-первых, поскольку история политических и правовых учений, а также история государства и права зарубежных стран имеют дело не с одним государством, а со всей цивилизацией, именно эти науки дают наибольший гносеологический результат в плане выявления общих закономерностей — выявить общие закономерности, изучая одно государство или одну правовую систему, невозможно; во-вторых, история римского права, хотя и рассматривается исторически как отдельная юридическая наука, предметно является составной частью истории государства и права зарубежных стран.

Исследование особенной части историко-правовой материи при выявлении закономерностей и общих черт давало бы новый материал для общей части историко-правовой науки. То есть особенная часть дает почву для общей части истории государства и права, а общие правовые конструкции, существующие вне эпох, должны становиться достоянием отраслевых юридических наук, а внеотраслевые категории — достоянием теории государства и права.

Содержание — историческое или юридическое — общей части также является ответом на вопрос о сущности науки истории государства и права. Очевидно, что общая часть должна включать в себя в сконцентрированном виде теоретически осмысленные юридические ас-

⁴⁰ Богданова Н. А. Система науки конституционного права : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 295–301 ; Конституционное право. Общая часть / под ред. Н. А. Богдановой, А. А. Троицкой. М., 2022. Кн. 1 ; Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1894. Ч. 1 : Общее государственное право.

⁴¹ См., например: Смоленский Н. И. Теория и методология истории. М., 2012 ; Теория и методология истории / отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград, 2014. Н. И. Смоленский пишет, что «теория истории — область общих представлений об истории в целом (общей историческая теория) либо о тех или иных процессах и явлениях... В любом случае теория истории —

пекты, а не общеисторические. Теория государства и права как наиболее общая теоретическая выжимка историко-правового опыта, будучи фундаментальной юридической наукой, не могла появиться на базе «исторической» науки, она могла сформироваться только на базе юридической науки, коей является история государства и права.

Еще одной важной проблемой является вопрос о том, представляет ли собой история государства и права простую сумму существующих отраслей права и институтов государства, анализируемых в прошлом.

Думается, что нет. На это обращали внимание историки права еще более полувека назад⁴².

Во-первых, система права с ее сложившейся отраслевизацией не является чем-то постоянным и исконным. Как известно, модель современной системы права сложилась на рубеже XIX–XX вв. Историку права приходится работать не только с периодами, когда не было современной картины права (существовало, например, каноническое право, манориальное право и т.д.), но и с эпохами, когда не было формальной определенности и фиксированности права (например, главным источником был правовой обычай), либо вообще с периодами, когда право только начинало складываться. Следовательно, простая сумма отраслей права не даст представления о предмете истории права — он намного шире.

Во-вторых, как уже отмечалось, в отличие от догматического метода, активно используемого в отраслевых юридических науках, история государства и права имеет дело с государством и правом в целом, а не с его отдельной частью. Именно это позволяет получить более полное представление о соответствующей эпохе, увидеть закономерности развития, взаимосвязь и взаимозависимость компонентов государства и права. Простая сумма отраслей права и институтов государства не позволит получить общей картины.

Вопрос о единстве предмета историко-правовой науки

Различные историко-правовые науки как составные элементы особенной части ставят вопрос

о единстве предмета истории государства и права.

Нетрудно заметить, что юридические науки историко-правового цикла неодинаково рассматривают различные правовые явления — различен масштаб изучения: история римского права изучает правовую систему одного государства, история государства и права России — также одного, но право рассматривается в совокупности с государством, история политических и правовых учений рассматривает развитие соответствующей мысли во всем мире на протяжении всего периода существования современной цивилизации, история государства и права зарубежных стран в аналогичном мировом масштабе рассматривает уже практику реализации подобной мысли.

Следовательно, будет неодинаков предмет каждой историко-правовой науки («подпредмет» науки истории государства и права): предмет истории римского права предполагает изучение эволюции правовой системы конкретного государства с целью познания и выявления закономерностей; предмет истории государства и права России — это изучение эволюции государства и правовой системы нашей страны с целью познания и выявления закономерностей; предметом истории политических и правовых учений, а также истории государства и права зарубежных стран является познание и выявление закономерностей в развитии мировой юридической и политической мысли, практике государственного и правового строительства соответственно.

Соотношение истории государства и права и теории государства и права

Данная проблема имеет давние корни. Методологическая необходимость рассмотрения соотношения двух данных юридических наук предопределяется их значительным сходством в предметном плане: как уже указывалось, предмет историко-правовой науки часто определяется как установление закономерностей развития государства и права; предметом теории государства и права является установление закономерностей развития государства и

это высший, самый развитый уровень исторического познания, а не уровень конкретно-исторических представлений о событиях» (Смоленский Н. И. Указ. соч. С. 3).

⁴² Курицын В. М., Ронин С. Л. Указ. соч. С. 52 ; Туттов Ю. П., Чистяков О. И. Указ. соч. С. 31.

права⁴³. Неслучайно на совпадение предметной области обращал внимание, как указывалось выше, еще П. Н. Галанза. Представляется, что в таком пересечении или даже совпадении ничего удивительного нет; с нашей точки зрения, история государства и права и теория государства и права — это две стороны одной медали. Как отмечалось, теория государства и права — это именно *теория* государства и права, а история государства и права — это *практика* государства и права. История государства и права изучает реальность государственного и правового развития, устанавливает логические связи, выявляет закономерности, дает основу для развития отраслевых юридических наук; на метатеоретическом уровне самые общие закономерности и типы становятся достоянием теории государства и права.

Структура предмета историко-правовой науки

Предмет юридической науки имеет определенную структуру.

Рассматривая структуру предмета гражданской науки, О. А. Красавчиков выделял в ней фактическую и юридическую стороны. К фактической стороне ученый относил имущественные и личные неимущественные отношения, регулируемые гражданским правом; к юридической стороне — нормы и институты гражданского права, источники, юридическую технику, опыт применения гражданского права, гражданские правоотношения и юридические факты⁴⁴.

Представляется, что аналогичные элементы структуры, хотя и с определенными особенностями, можно выделить в предмете историко-правовой науки.

Элементы предмета науки истории государства и права можно разделить на основные и вспомогательные. Основные элементы — государство и право. К вспомогательным можно отнести экономические, культурные, религиозные, национальные и иные аспекты, свидетельствующие о предпосылках появления и отраже-

нии в обществе соответствующего правового регулирования.

Деление предмета рассматриваемой науки на вспомогательные и основные элементы обусловливается следующим. Во-первых, догматическое изучение государства и права в отрыве от предпосылок их зарождения, трансформации и прекращения не даст объективного и всестороннего результата. В этом состоит еще одно различие в исследовании ушедших в прошлое государственных и правовых институтов между историками права и учеными-отраслевиками — последние изучают соответствующие институты, как правило, в статике, сами по себе, для сравнительного анализа с современным состоянием, историки права обязательно учитывают предпосылки, рассматривают государство и право как часть эпохи, не вырывая их из исторического контекста. Кроме того, если даже гипотетически проанализировать право «само в себе» возможно, то исследовать государство — нет, поскольку оно органически сочетается со многими, прежде всего политическими, отношениями. Например, образование США как государства можно понять только через призму изучения экономических, политических и иных процессов. Во-вторых, предпосылки хотя и являются необходимым элементом предмета исследования, но не могут быть исключительным элементом исследования, без исследования государства и права — в противном случае историко-правовое исследование не станет юридическим. Именно поэтому, на наш взгляд, не могут считаться историко-правовыми итоговые выводы исследования о развитии в целом экономики, политики религиозных отношений и т.д. Данные отношения должны служить историко-правовому исследованию, а не наоборот. Поэтому предпосылки являются необходимым, но все-таки вспомогательным элементом предмета науки истории государства и права.

К основным элементам предмета относится прежде всего само государство и право, которое имеет не только реальный (то есть объективно существовавший или существующий), но и идеальный уровень. И в данном случае перед исследователем появляется масса про-

⁴³ Алексеев С. С. Общая теория права. М., 2009. С. 8 ; Денисов А. И. Предмет и метод теории государства и права. Происхождение государства и права. Критика буржуазных теорий. М., 1954. С. 3 ; Кононов А. П., Ильина Л. Н., Донская Н. А. Предмет, метод и место общей теории права и государства в системе общественных неюридических и юридических наук. М., 2005. С. 14 ; Общая теория государства и права. Академический курс : в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2002. Т. 1. С. 8–14.

⁴⁴ Красавчиков О. А. Указ. соч. С. 300.

блем (которые вновь невозможно решить без учета вспомогательных элементов), например о понимании государства и права в соответствующий исторический период; о содержании других юридических понятий, созданных в прошлом: «сейзина», «император», «конфедерация» и т.д. Эти понятия имели иной смысл, чем в современном праве, либо в современном юридическом лексиконе вообще отсутствуют. И в данном случае ученый исследует не только реальные государственные и юридические отношения, но и теоретические конструкции, созданные юристами прошлого. То есть ученый изучает в том числе то, что создали ученые ранее. Это составляет «идеальный» уровень предмета, который может распространяться и на основные, и на вспомогательные его элементы. Представляется, что именно идеальный уровень стал основой для формирования отраслей права, а также теории государства и права.

Иногда в литературе отмечается, что предмет науки не только объективен, но и субъективен, поскольку его изучает человек⁴⁵. Однако представляется, что данное утверждение не соответствует действительности: как указывалось ранее, предмет является частью объекта, он не субъективен. Субъективным является процесс исследования и его результат (содержание, интерпретация), а не сам предмет. Существует субъективное влияние на созданный когда-то эмпирический материал: нормативный акт, судебное решение, правовой обычай и т.д. Но предмет предстает перед исследователями как реальный и объективный, то есть субъективный фактор трансформируется в будущем в объективный. Признание субъективного компонента в предмете приводит к необходимости признания субъективного компонента и в самом объекте, что является абсурдным.

Таблица 1

Предмет науки истории государства и права

Элементы предмета	Уровни предмета	
	реальный уровень — объективно существовавшие явления	идеальный уровень — теоретические конструкции
вспомогательные	экономические, культурные, религиозные, национальные и иные отношения	
основные	государство и право	

Основные элементы предмета предполагают не только изучение государства и права, но и оценку опыта их функционирования, поскольку, если ученые-отраслевники изучают действующее государство и право с целью регулирования существующих отношений, то есть обращают внимание на то, *как нужно* урегулировать, то историки права имеют дело с прошлым, то есть с тем, *как было* урегулировано. По этой причине история государства и права без оценки исторического опыта невозможна — именно на исторической оценке должно заканчиваться историко-правовое исследование.

Структура предмета науки истории государства и права предопределяет предметы соответствующих историко-правовых наук («подпредметы» науки истории государства и права), а последние — предмет соответствующих историко-правовых исследований.

Однако необходимо иметь в виду, что предмет науки не равнозначен результатам, которые получает наука в процессе проводимых исследований, поскольку предмет — это только область потенциальных исследований, но при проведении исследований появляется субъективный фактор — это сам исследователь, который обладает определенной научной идеологией.

Догматические границы предмета науки истории государства и права: государство и право — вместе или врозь?

В историко-правовой и теоретико-правовой науке нередко поднимается вопрос о зарождении и существовании права без государства⁴⁶, чем ставится под сомнение традиционный подход

⁴⁵ Акишин М. О. Указ. соч. С. 1057.

⁴⁶ См., например: Крашенинникова Н. А. К вопросу о методологии изучения истории права // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2007. № 6. С. 3–27; Муромцев Г. И. Мононорма как ста-

о неотделимости права от государства⁴⁷. Либо же к проблеме подходят с другой стороны: с целью подчеркнуть юридическую значимость указанных наук обращается внимание на прева-лирование права над государством, что нередко отражается в названии учебных курсов — теория права и государства, история права и государства, история учений о праве и государстве.

Данная дискуссия похожа на дискуссию о наименовании одной из историко-правовых дисциплин: «история отечественного государства и права» либо «история государства и права России». Ближайшее рассмотрение данной «проблемы» показывает ее отсутствие: «отечество» — имя нарицательное, «Россия» — имя собственное. Наполнение каждого понятия всегда условно: употребление имени «Россия» не означает употребление одноименного государства в современных географических границах. На наш взгляд, ничего принципиально не меняется при перестановке в названии науки или учебной дисциплины понятий «право» и «государство», вопрос шире: объективно ли необходимо государство для появления права? Не стоит ли свести изучение юридической истории сугубо к изучению права, как это делалось в России в дореволюционный период? И второй вопрос: не расширится ли безгранично анализируемая наука, если она будет изучать не только право, но и государство?

На эти вопросы нет однозначного ответа, неслучайно даже С. В. Юшков и С. Ф. Кечекьян возражали против расширения историко-правовой науки до истории государства и права⁴⁸. Именно «государство» в большей степени, чем «право», соприкасается с неюридическими науками (историей, политологией, социальной

психологией, социологией, экономической теорией и др.) и создает ореол неюридического характера истории государства и права.

С другой стороны, все попытки доказать возникновение права до государства разбиваются о неудобный вопрос о характере догосударственных социальных норм — их принципиальном отличии от моральных и религиозных регуляторов.

Кроме того, сведение истории государства и права до истории права создает диссонанс: изучается теория государства и права, а с ретроспективной точки зрения изучается только право, но не государство.

В этой связи представляется, что право и государство — это неотделимые явления, и данный традиционный подход заслуживает внимания и сохранения.

Хронологические границы предмета истории государства и права. Соотношение историко-правовой науки и отраслевых юридических наук

Важный аспект хронологических (темпоральных) рамок — начальные и конечные границы. В историко-правовой среде доминирует точка зрения, согласно которой границы истории государства и права проявляются там, где появляются действующие юридические акты⁴⁹. Это обосновывается, на первый взгляд, вполне логично: история государства и права не должна вторгаться в сферу отраслевых юридических дисциплин⁵⁰. Однако данный подход встречает не менее логичные возражения:

1. Историко-правовая наука уже включает не только ушедшую в прошлое, но и юридически

для становления права // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. С. 93–96 ; *Он же*. Правогенез: проблемы методологии // Вестник РУДН. Серия «Юрид. науки». Т. 25. № 2. С. 359–375.

⁴⁷ Общая теория государства и права. Академический курс : в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2002. Т. 1. С. 14.

⁴⁸ Кечекьян С. Ф., Юшков С. В. О переименовании историко-правовых дисциплин // Вестник Высшей школы. 1946. № 3. С. 48–49.

⁴⁹ Иногда встречается такое утверждение: «Достоянием предмета историко-правовых наук является лишь то, что осталось в прошлом» (Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перелова. М., 1998. С. 23). См. также: Общая теория государства и права. Академический курс : в 3 т. / отв. ред. проф. М. Н. Марченко. М., 2001. Т. 1. С. 11 ; Теория государства и права / под ред. М. Н. Марченко. М., 2009. С. 39–40.

Из этого исходили и исходят многие историки права, см., например: Ящук Т. Ф. Определение предмета истории государства и права в юридической науке второй половины 1950-х — начала 1960-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2020. № 11. С. 84.

⁵⁰ Предисловие проф. О. И. Чистякова (Отечественное законодательство XI–XX веков : пособие для семинаров / под ред. проф. О. И. Чистякова. М., 2009. С. 9).

действующую правовую материю: Конституцию США 1787 г., Кодекс Наполеона 1804 г., германское Гражданское уложение 1896 г., римское право, англо-американское прецедентное право и т.д. Перечисленный и подобный правовой материал изучается студентами в рамках курса истории государства и права зарубежных стран, и аксиоматически позиционируется, что он является историко-правовым.

2. Известно, что юристы-отраслевники, начиная изложение учебного материала или проводя научные исследования, как правило, начинают с изучения историко-правового аспекта. В этой связи почему они считают (и логично) этот подход приемлемым, а историки права полагают неприемлемым использовать юридически действующий правовой материал? Более того, как известно, практически во всех юридических вузах римское право — классическую историко-правовую дисциплину — преподают специалисты по гражданскому праву.

3. Как квалифицировать с позиции юридической научной отраслевой принадлежности такое явление, как «ультраактивное действие закона (переживание закона)» — применение утратившего силу закона к отношениям, возникшим в период его действия? Это сфера истории государства и права либо соответствующей отраслевой юридической науки?

4. Как поступить в ситуации, когда хронологически после имеющего юридическую силу юридического акта был принят ныне не действующий акт? Его изучать, а предшествующий акт — нет?

5. Как быть в ситуации, когда юридически акт имеет силу, но исторически поменялось толкование его некоторых статей, как, например, произошло с пресловутой статьей 39 Великой хартии вольностей 1215 г.?

6. Наконец, как быть, если учесть, что правовой материал является не только нормативным? При анализе, например, судебной

практики соответствующего периода также необходимо «отделять зерна от плевел» по принципу юридического действия правового материала? И возможно ли это?

В конечном счете решение вопроса о хронологических (темпоральных) границах истории государства и права выводит к другой методологической проблеме — о соотношении истории государства и права и отраслевых юридических наук.

В настоящее время, как указывалось, данная проблема решается разграничением историко-правового и отраслевого научного поля критерием юридического действия правового источника. Это означает, что под историей в истории государства и права понимается исключительно юридический «архив», застывшее прошлое, изучение которого является данью традиции, ради познавательных целей. Однако думается, что историю государства и права нужно понимать не как архив, а как *эволюцию, развитие* государства и права⁵¹. Именно в этом смысле понимают историю гражданские историки, доводящие исследование до наших дней и не оставляющие временного буфера перед настоящим днем⁵². Именно в этом смысле изучалась история права в Средние века учеными-юристами и практиками⁵³; именно для этих целей появилась история права как юридическая дисциплина в университетах — она была необходима для изучения эволюции права с целью его познания, с целью понимания его сущности и правоприменения.

Показателен в этом смысле опыт нашего государства, где появление отраслей права как юридических наук стало возможно после систематизации законодательства под руководством М. М. Сперанского: сначала было создано по хронологическому принципу Полное собрание законов Российской империи (историко-правовой принцип) и лишь на его основе разработан по отраслевому принципу Свод законов Рос-

⁵¹ Неслучайно в словаре С. И. Ожегова история понимается в первую очередь как «действительность в ее развитии, движении», как «наука о развитии общества и природы», как «ход развития, движения чего-н.» и только затем — как «прошлое, сохраняющееся в памяти человечества», то есть история — это движение, развитие, а уже затем — архив. Аналогично понимается известным филологом историзм — «рассмотрение предметов и явлений в их историческом развитии» (Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. М., 2008. С. 180–181).

⁵² См., например: История России : учебник для вузов / под ред. Ю. А. Петрова. М., 2024 ; Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т. А. История России : учебник. М., 2022.

⁵³ Игнатович В. Болонский университет в Средние века. СПб., 1846. С. 39, 65–66 ; Суворов Н. С. Средневековые университеты. М., 2012. С. 15–19. См. также: История Средних веков / под ред. Е. А. Косминского, С. Д. Сказкина. М., 1952. Т. 1. С. 509, 515.

сийской империи (догматический принцип)⁵⁴. Такую же роль сыграла разработка судебной реформы 1864 г.⁵⁵ Иными словами, отраслевизация права (и как отрасли законодательства, и как юридической науки) стала возможна после историко-правового анализа⁵⁶; говоря еще проще, отрасли права — это выкристаллизованный, теоретически осмысленный историко-правовой материал⁵⁷, то есть теория — это осмысленная практика.

Именно поэтому основанные на опыте, а не на теории первые мировые юридические памятники содержали не теоретическое, а сугубо практическое словоупотребление (человек, вещь, удар и т.д.), которое затем, по мере развития юриспруденции, стало облекаться в соответствующие понятия (физическое лицо, право собственности, побои и т.д.).

Если в теократических государствах источником юриспруденции является бог, религия, верования, то в светских государствах — практика, опыт, который может быть как отраженным в правовых актах и юридическом быту (история государства и права), так и не отра-

женным, остающимся на уровне идей (история политических и правовых учений). То есть первичным звеном историко-правовой науки является *опыт*, в основе которого лежит *идея*. Неслучайно, как уже говорилось ранее, функцией науки является «выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности»⁵⁸.

Аналогичным был опыт европейских государств: отраслевизация и структурное обособление права стало возможным на базе детального исследования Уложения Юстиниана. И наоборот: англосаксонская правовая семья, не имевшая такого влияния римского права, как в континентальной Европе, не восприняла четкой отраслевизации права, в основе этой системы до сих пор лежит не теория и логика, а опыт⁵⁹.

Отраслевизация права стала возможной также после появления круга юридически образованных лиц, в чем немаловажную роль сыграли университеты⁶⁰. Огромное значение имели также экономическое развитие государств и постепенная смена феодализма капитализмом,

⁵⁴ Ряд авторов первой половины XIX в. отмечали, что русская юридическая наука по-настоящему начинается только после издания Свода законов Российской империи. См.: *Березкин С. Ф.* Сперанский как кодификатор: речь, читанная С. Ф. Березкиным в заседании Одесского юридического общества 11 февраля 1889 г. Одесса, 1889. С. 10; *Гордеенко Г.* О законодательном достоинстве Свода законов Российской империи. Х., 1885. С. 28.

⁵⁵ *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. СПб., 1902. Т. 1. С. 59; *Шершеневич Г. Ф.* Наука гражданского права в России. М., 2003. С. 97.

Роль кодификационных работ, предшествовавших изданию Свода законов 1832 г., в догматизации русского уголовного права признавал Г. С. Фельдштейн (*Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права России. М., 2003. С. 427–428).

⁵⁶ Как указывал Коркунов, современные ему юристы не просто привыкли к Своду Законов, а воспитывались на нем (*Коркунов Н. М.* Значение свода законов // Сборник статей Н. М. Коркунова. 1877–1897. СПб., 1898. С. 77). Г. Ф. Шершеневич указывал, что «составление Свода законов и Полного собрания законов встряхнуло пыль с исторических памятников и возбудило к исследованию прошлого государственного быта России, — и далее, — ... исторические памятники как общие, так и собственно правовые, подверглись подробному исследованию с точки зрения их значения для истории гражданского права» (*Шершеневич Г. Ф.* Наука гражданского права в России. М., 2003. С. 50, 56). Р. С. Тараборин считает Свод законов 1832 г. «основанием отраслевой системы гражданского права Российской империи» (*Тараборин Р. С.* Формирование системы гражданского права Российской империи в эпоху модернизации общества (XVIII — первая треть XIX в.). М., 2022. С. 59). См. также: *Лядащева-Ильичева М. Н.* Гражданское законодательство в России в 1969 — октябре 1917 г. М., 2016. С. 20–24; *Тесля А. А.* Источники гражданского права Российской империи XIX — начала XX века. Хабаровск, 2005. С. 56–57.

⁵⁷ Неслучайно даже многие названия отраслей права — гражданское, цивилистика, уголовное, коммерческое, полицейское — имеют исторические корни, свидетельствующие о формировании отрасли на базе историко-правового материала.

⁵⁸ *Новиков А. М., Новиков Д. А.* Указ. соч. С. 48.

См. также, например: *Основы науковедения.* М., 1985. С. 3; *Рачков П. А.* Указ. соч. С. 24.

⁵⁹ *Цвайгерт К., Кёйтц Х.* Сравнительное частное право. М., 2019. С. 186.

⁶⁰ *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. СПб., 1902. Т. 1. С. 56.

в рамках которого значение права повышается, а его структура значительно усложняется.

Появление теоретического материала, отраслевизация права не означают прекращения существования истории государства и права, не означают, что она выполнила свою миссию, сформировав правовую систему конкретного государства. Если рассматривать историю государства и права как эволюцию, как развитие, как постоянное движение правовых систем и государств, то нетрудно заметить, что изменение права и государства, накопление нового опыта их развития приводит к постоянной трансформации и видоизменению системы права, к появлению новых отраслей, эволюции существующих либо их отмиранию. В этом смысле историко-правовая материя продолжает сохраняться в качестве эмпирической основы данной трансформации.

Интересна судьба римского права. В римском государстве оно было практико-ориентированным, руководством к действию⁶¹; в Средние века и Новое время — теоретическим, шло накопление и систематика теоретического правового материала (глоссаторы, постглоссаторы), в итоге оно представляло собой первую общую теорию гражданского права; в последние два века после возникновения национальных правовых доктрин гражданского права, когда человечество «переросло» римское право, по-

следнее сохранило значение лишь как определенный этап в истории правовых учений.

Кроме того, мировой опыт развития государства и права до конца не изучен — подобно океанологии, которая изучает многое, но не всё в мировом океане (он сохраняет интерес как объект исследований), теоретические правовые науки не компенсируют весь имеющийся у человечества опыт конструирования и трансформации государства и права.

Постоянное изучение практики государства и права создает теоретическую правовую базу, однако данная база не есть только актуальная и востребованная практикой правовая теория — имеющаяся юридическая теория гораздо шире, чем то, что может быть востребовано в конкретную эпоху. Однако невостребованная часть не означает отсутствие ценности в ней. Так, созданное до Октябрьской революции в России «рыночное» гражданское право стало невостребованным в советские времена, однако оказалось востребованным в постсоветский период; так и наоборот — созданная в СССР теория социалистического гражданского права полностью или в части может оказаться актуальной позже. То есть теория не есть статичное отражение практики, она представляет собой большой общечеловеческий запас знаний, из которого по мере необходимости извлекается нужное.

Т а б л и ц а 2

Зарождение правовой теории

Отсутствие теоретического осмысления	ТГП ↔ ИППУ
	правовая теория, «отраслевизация» права (отечественная и зарубежная)
	↓ актуальная отраслевая теория ↔ неактуальная отраслевая теория
накопление правового материала (история (эволюция) государства и права)	

Приведенное не означает, что история государства и права является единственной, главной областью правового знания, это не увеличивает ее значимость и не уменьшает значимость других областей права. Вопрос в другом — в отсутствии противопоставления

истории государства и права отраслям права. Отрасли права — это часть структуры («это всего лишь систематика положений позитивного права»⁶²). То есть история государства и права не конкурирует с отраслями права, как целое не конкурирует с частью. Разграничение истории

⁶¹ Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима. М., 2003. С. 187.

⁶² Азми Д. М. Историко-теоретический и методологический анализ структуры права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 13.

государства и права и отраслей уместно лишь в учебных целях, но не в научных.

Представляется, что критерием отделения историко-правового исследования от отраслевого является не юридическое действие правового материала, а цель исследования: если цель — увидеть становление современных государственных и правовых институтов, то это сфера отраслевых юридических наук; если цель — увидеть эволюцию как таковую, изучить опыт, то это сфера истории государства и права. То есть в первом случае историко-правовой материал используется как инструментальный, во втором — как цель⁶³. Отрасли права задаются вопросом «что?», а история государства и права — вопросами «как?», «почему?». Отраслевая юридическая наука прагматична и конкретна, очерчена четкими рамками отрасли; историко-правовая наука — полиотраслевая сфера, где не только право, но и государство рассматривается как единое целое, а не механическое сложение институтов, где объединяющим звеном является тот или иной исторический фактор, оказавший влияние на развитие государства и права.

Различие между историко-правовой и отраслевой наукой можно продемонстрировать на примере известного различия между «историей римского права» и «догмой (системой) римского права» — один и тот же правовой материал исследуется по-разному и с различными целями: историко-правовой либо догматической, отраслевой. Отраслевой подход рассматривает правовое явление в статике, историко-правовой в динамике, с учетом принципа историзма⁶⁴.

При этом один и тот же правовой материал может рассматриваться и с историко-правовых, и с теоретико-правовых, и с отраслевых позиций. Например, такая непонятная для европейского юриста англосаксонская правовая семья

может быть понята и изучена только в контексте переплетения историко-правовых и иных юридических материй одновременно. Аналогичная ситуация с мусульманской правовой семьей.

Специалисты по истории английского права справедливо отмечают, что история права подвержена изменению и развитию — постепенно открываются новые факты и интерпретации, ранее неизвестные⁶⁵. Более того, в англосаксонской правовой семье существующее право как бы вырастает из истории права — там нет четкой, непроходимой границы между прошлым и настоящим в юридической сфере. Поэтому, разъясняя сущность и особенность, например, английской правовой системы, английские юристы прежде всего обращают внимание на ее исторические истоки (*the historical sources of English law, historical background*)⁶⁶. Английский историк права Уильям Холдсворт справедливо отмечал, что познать английское право при изучении отдельных актов как таковых, без исторического контекста, невозможно (*«A true knowledge of legal principles cannot be gained from the sections of statutes, or the short statements of digests, unless such information is supplemented by some study of the history of the law so summarized. Neither complete understanding, nor accurate statement of existing law is possible, without some knowledge of the basis upon which that law rests»*)⁶⁷. Это касается правовой системы в целом и правоприменительной практики в частности. Применяя судебный прецедент при рассмотрении дела, судья выводит из прошлого настоящее. В этом смысле прошлое даже не является прошлым — оно настоящее, но есть настоящее, *актуальное* для данного дела, а есть неактуальное.

Интересно, что не только право, но и государство в англосаксонских государствах

⁶³ Акишин М. О. Указ. соч. С. 1059 ; Кузнецова О. А. Историко-правовой метод в отраслевых юридических исследованиях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2023. № 5. С. 115–116. Также см., например, работу С. Н. Братуся, который раскрывает предмет гражданского права через имущественные и личные неимущественные отношения, то есть через отношения существующие, а не ушедшие в прошлое (*Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. С. 5–6*). Аналогично — С. С. Алексеев (*Алексеев С. С. Предмет советского социалистического гражданского права. С. 237–252*).

⁶⁴ Принцип историзма традиционно понимается как рассмотрение всякого явления в развитии: зарождении, становлении и отмирании, с учетом установления причинно-следственных связей событий и явлений (*Теория и методология истории... С. 388*).

⁶⁵ *An introduction to English legal history. By J. N. Baker. London, 1979. P. 5.*

⁶⁶ *Walker R. G. The English legal system. London, Dublin, Edinburgh, 1994. P. 3–16 ; Elliott C., Quinn F. English Legal System. 2009. P. 12. См. также, например: Brunner H. The sources of English law. Boston, 1908.*

⁶⁷ *Holdsworth W. A history of English law. London, 1903. P. XIX.*

вырастает из прошлого. Модель высшей государственной власти в Великобритании основывается на неcodифицированной конституции этого государства, включающей не только статутное право (один из древних актов конституции Британии — Великая хартия вольностей 1215 г.), common law, но и конституционные соглашения. В США структура высших органов государственной власти определена еще в конце XVIII в. — Конституцией 1787 г.

То есть в англосаксонской правовой семье история права является не историей правовой мысли, зафиксированной в правовых актах прошлого, а фундаментом, источником (в самом широком смысле этого слова) действующей правовой системы.

Интересна и еще одна сторона соотношения истории государства и права и отраслевых юридических наук. Проведенное когда-то отраслевое исследование по прошествии времени как бы попадает в сферу интересов истории государства и права: содержащийся в работе анализ правовых источников станет историко-правовым материалом, содержащийся доктринальный анализ соответствующих правовых институтов — сферой истории правовых учений.

Иногда приводятся иные доводы в пользу того, что историки права не должны вторгаться в современную им эпоху — это вызовет необъективность и предвзятость исследования, а также сделает его неполноценным, поскольку многие источники остаются недоступными⁶⁸.

Однако данные доводы встречают соответствующие возражения: как быть, если исследователь проводит анализ не субъективно, а объективно, если, например, он изучает процесс разработки кодекса, принятого несколько лет назад, что представляет для исследователя сугубо познавательный интерес и никак не связано с какими-либо его идеологическими установками? Как быть, если, наоборот, он исследует события давно минувших лет, но субъективизма в их оценке не меньше, чем в актуальное время — достаточно вспомнить противоречивые оценки правления и реформ Ивана Грозного, Петра Великого, И. В. Сталина и т.д.? Если даже при исследовании далекого прошлого соответствующие источники также до конца не открыты, утеряны или уничтожены —

это тоже будет основанием для игнорирования изучения соответствующих эпох?

Некоторые методологи рассуждают еще более радикально, утверждая, что, например, историческая наука (по их определению «универсальная», наряду с математикой, логикой и философией), «обязана изучать три времени бытия явлений: прошлое (ретроспекция), настоящее (презент), будущее (прогнозы)»⁶⁹. Безусловно, рациональное зерно в этих рассуждениях есть.

По этой причине представляется, что нет серьезных оснований для исследования любых периодов в истории государства и права — темпоральные границы могут, как указывалось выше, определяться только целью исследования — отраслевой (историко-правовой анализ как подспорье в познании действующего права) или историко-правовой (историко-правовой анализ — самоцель исследования).

Пространственные границы предмета истории государства и права: история международного права — сфера истории государства и права либо сфера международное права?

Данный вопрос не часто возникает в науке, и, казалось бы, уже сложился на протяжении десятилетий порядок — история государства и права не рассматривает историю международного права. Это подтверждается и на официальном уровне⁷⁰. Но это практическая сторона вопроса, серьезных обоснований того или иного подхода в науке нет.

Представляется, это вызвано пресловутым делением истории государства и права на «историю отечественного государства и права» («историю государства и права России») и «историю государства и права зарубежных стран», в результате чего каждая из дисциплин, сконцентрировавшись на изучении соответствующих национальных правовых систем, не видит необходимости в изучении истории международного права.

Также влияние международного права на национальное право до первой половины XX в. незаметно. Далее — заметно, но незначительно, в связи с чем им, как в точных науках незначительными величинами, «пренебрегают».

⁶⁸ Акишин М. О. Указ. соч. С. 1061–1062.

⁶⁹ Зеленов Л. А., Владимиров А. А. Науковедение: проблемы пограничных наук. Н. Новгород, 2022. С. 7.

⁷⁰ Паспорт научной специальности 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки» и паспорт научной специальности 5.1.5 «Международно-правовые науки» (СПС «КонсультантПлюс»).

Международное право ставит своей целью изучение действующего международного правопорядка. Получается парадоксальная ситуация: историки права считают историю международного права «уже не их» сферой, а юристы-международники — «тем более не их» сферой. В итоге рассматриваемая область выпадает из поля зрения исследователей.

Это невнимание к истории международного права необоснованно — оно представляет интерес и для историков права, и для специалистов по международному праву. Для последних эта сфера особенно важна, поскольку, подобно англосаксонской модели организации права, в сфере международного права часто правовые нормы уходят корнями в прошлое: правовые международные обычаи, заключенные десятилетия назад многосторонние договоры (в том числе Устав ООН), длительное время существующие международные организации и т.д. В международном праве история права и действующие нормы неразрывно связаны.

Но, подобно разграничению истории права и отраслей права, исследование истории международного права с целью познания и применения действующих правовых норм — это сфера международного права; изучение становления и развития международного права как такового,

а также его влияния на национальные правовые системы — сфера истории государства и права.

В целом, поскольку при изучении истории международного права используется историко-правовая методология, можно сделать вывод о принадлежности истории международного права к предмету истории государства и права.

Заключение

Таким образом, предмет науки истории государства и права составляет государство и право в целом в конкретно-историческом развитии с целью выявления соответствующих закономерностей. Предмет предопределяется юридической (неисторической) сущностью историко-правовой науки. Структурно предмет включает основные и вспомогательные элементы, которые имеют реальный и идеальный уровень. Предмет истории государства и права неограничен хронологически и содержательно (в сравнении с отраслями права и международным правом), его отличием от предмета других юридических наук является цель: изучение опыта мирового развития государства и права (цель других фундаментальных юридических наук — развитие юридической теории).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву. Т. 1. М., 2012.
- Азми Д. М. Историко-теоретический и методологический анализ структуры права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.
- Акишин М. О. Объект и предмет историко-правовой науки // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918–2018 гг.). Т. 1. Екатеринбург, 2019.
- Алексеев С. С. Частное право : избранное. М., 2024.
- Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963.
- Гальперин Г. Б., Королев А. И. История советского государства и права как наука, ее предмет и задачи // Советское государство и право. 1962. № 10.
- Денисов А. И. Предмет и метод теории государства и права. Происхождение государства и права. Критика буржуазных теорий. М., 1954.
- Жуланов А. Л. К вопросу о соотношении понятий объекта и предмета науки в классическом и неклассическом естествознании // Вестник ПГГПУ. Серия 3, Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 3.
- Зеленов Л. А., Владимиров А. А. Науковедение: проблемы пограничных наук. Н. Новгород, 2022.
- Кечежян С. Ф., Юшков С. В. О переименовании историко-правовых дисциплин // Вестник Высшей школы. 1946. № 3.
- Кононов А. П., Ильина Л. Н., Донская Н. А. Предмет, метод и место общей теории права и государства в системе общественных неюридических и юридических наук. М., 2005.
- Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды. Т. 1. М., 2005.
- Крашенинникова Н. А. К вопросу о методологии изучения истории права // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2007. № 6.

- Курицын В. М., Ронин С. Л. О предмете и системе курса истории советского государства и права // Советское государство и право. 1961. № 12.
- Лукашевич Д. А. Правовое регулирование процесса формирования рыночной экономики в СССР в 1985–1991 гг. : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022.
- Муромцев Г. И. Мононорма как стадия становления права // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3.
- Муромцев Г. И. Правогенез: проблемы методологии // Вестник РУДН. Серия «Юрид. науки». 2021. Т. 25. № 2.
- Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология. М., 2007.
- О совещании авторского актива историков государства и права при редакции журнала «советское государство и право» // Советское государство и право. 1956. № 1.
- Основы науковедения. М., 1985.
- Попондопуло В. Ф. Объект и предмет юридической науки // Известия вузов. Правоведение. 2016. № 5.
- Рачков П. А. Науковедение : Проблемы, структура, элементы. М. : Изд-во Моск. университета, 1974. 240 с.
- Смоленский Н. И. Теория и методология истории. М., 2012.
- Софроненко К. А., Мартысевич И. Д., Чистяков О. И. К вопросу о предмете истории государства и права СССР // Вестник Московского университета. Серия «Экономика, философия и право». 1958. № 3.
- Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001.
- Теория и методология истории / отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград, 2014.
- Теория и методология истории / под ред. А. И. Филюшкина. М., 2024.
- Цвайгерт К., Кёйтц Х. Сравнительное частное право. М., 2019.
- Чупин П. П. Новое знание как проблема методологии науки // Структура науки и механизм возникновения нового знания. Обнинск — М., 1977.
- Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России. М., 2003.
- Яцук Т. Ф. Определение предмета истории государства и права в юридической науке второй половины 1950-х — начала 1960-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2020. № 11.
- Яцук Т. Ф. Эволюция предмета науки истории государства и права России в XVIII–XX вв. // Правоприменение в публичном и частном праве : материалы международной научной конференции. Омск, 2021.
- Baker J. N. An introduction to English legal history. London, 1979.
- Elliott C., Quinn F. English Legal System. 2009.
- Holdsworth W. A history of English law. London, 1903.
- Walker R. G. The English legal system. London ; Dublin ; Edinburgh, 1994.

REFERENCES

- About the meeting of the copyright group of historians of state and law at the editorial office of the journal «Soviet State and Law». *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [The Soviet State and Law]*. 1956;1. (In Russ.).
- Agarkov MM. Selected works on civil law. Vol. 1. Moscow; 2012. (In Russ.).
- Akishin MO. Object and subject of historical and legal science. One hundred years' anniversary to the Ural State Law University (1918–2018). Vol. 1. Ekaterinburg; 2019. (In Russ.).
- Alekseev SS. Private law: Selected works. Moscow; 2024. (In Russ.).
- Alekseev VV, Kradin NN, Korotaev AV, Grinin LE, editors Theory and methodology of history. Volgograd; 2014.
- Azmi DM. Historical, theoretical and methodological analysis of the structure of law. The author's abstract of Dr. Diss. (Law). Moscow; 2011. (In Russ.).
- Baker JN. An introduction to English legal history. London; 1979.
- Bratus SN. The subject and the system of Soviet civil law. Moscow; 1963. (In Russ.).
- Chupin PP. New knowledge as a problem of methodology of science. The structure of science and the mechanism of the emergence of new knowledge. Obninsk — Moscow; 1977. (In Russ.).
- Denisov AI. The subject and method of the theory of state and law. The origin of the state and law. Criticism of bourgeois theories. Moscow; 1954. (In Russ.).
- Elliott C, Quinn F. English Legal System. 2009.
- Filyushkina AI, editor. Theory and methodology of history. Moscow; 2024. (In Russ.).
- Fundamentals of science. Moscow; 1985. (In Russ.).

- Galperin GB, Korolev AI. The history of the Soviet State and law as a science, its subject and objectives. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [The Soviet State and Law]*. 1962;10. (In Russ.).
- Holdsworth W. A history of English law. London; 1903.
- Kechekyan SF, Yushkov SV. On the renaming of historical and legal disciplines. *Vestnik Vysshey shkoly*. 1946;3. (In Russ.).
- Kononov AP, Ilyina LN, Donskaya NA. The subject, method and place of the general theory of law and the state in the system of social non-legal and legal sciences. Moscow; 2005. (In Russ.).
- Krasavchikov OA. Categories of the science of civil law. Selected Works. Vol. 1. Moscow; 2005. (In Russ.).
- Krashenninnikova NA. On the methodology of studying the history of law. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 11, Pravo*. 2007;6. (In Russ.).
- Kuritsyn VM, Ronin SL. The subject and the system of the course of the history of the Soviet state and law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [The Soviet State and Law]*. 1961;12. (In Russ.).
- Lukashevich DA. Legal regulation of the process of forming a market economy in the USSR in 1985–1991. Dr. Diss. (Law). Moscow; 2022. (In Russ.).
- Muromtsev GI. Pravogenesis: Problems of methodology. *Vestnik RUDN. Seriya «Yurid. nauki» [RUDN Journal. Legal Sciences Series]*. 2021;25(2). (In Russ.).
- Muromtsev GI. The mononorm as a stage of law formation. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2017;3. (In Russ.).
- Novikov AM, Novikov DA. Methodology. Moscow; 2007. (In Russ.).
- Popondopulo VF. The object and subject of legal science. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie*. 2016;5. (In Russ.).
- Shershenevich GF. The science of civil law in Russia. Moscow; 2003. (In Russ.).
- Smolenski NI. Theory and methodology of history. Moscow; 2012. (In Russ.).
- Sofronenko KA, Martyshev ID, Chistyakov OI. The subject of the history of the state and law of the USSR. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya «Ekonomika, filosofiya i pravo»*. 1958;3. (In Russ.).
- Tarasov NN. Methodological problems of legal science. Ekaterinburg; 2001. (In Russ.).
- Walker RG. The English legal system. London; Dublin; Edinburgh; 1994.
- Yaschuk TF. Definition of the subject of the history of the state and law in the legal science of the second half of the 1950s — early 1960s. Genesis: Historical research. 2020;11. (In Russ.).
- Yaschuk TF. The evolution of the subject of science of the history of the state and law of Russia in the 18th–20th centuries. Law enforcement in public and private law: Proceedings of the international scientific conference. Omsk; 2021. (In Russ.).
- Zelenov LA, Vladimirov AA. A. Science studies: Problems of frontier sciences. N. Novgorod; 2022. (In Russ.).
- Zhulanov AL. To the question of the relationship between the concepts of object and subject of science in classical and non-classical natural sciences. *Vestnik PGGPU. Seriya 3, Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2013;3. (In Russ.).
- Zweigert K, Ketz H. Comparative Private Law. Moscow; 2019. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лукашевич Дмитрий Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
dalukashevich@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry A. Lukashevich, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of History of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
dalukashevich@msal.ru

Материал поступил в редакцию 13 ноября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 14 июня 2025 г.
Принята к печати 15 июня 2025 г.

Received 13.11.2024.
Revised 14.06.2025.
Accepted 15.06.2025.